

НЕГАТИВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ХОДЕ МОБИЛИЗАЦИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

THE NEGATIVE PHENOMENA DURING MOBILIZATION IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE YAROSLAVL REGION)

I. Bryksin

Annotation

In this article on the example of the Yaroslavl region the negative phenomena arising during the military and mobilization companies in the period of the Great Patriotic War are considered. The special attention is paid to consideration of such phenomena as distribution of defeatist moods, desertion and evasion from military service.

Keywords: mobilization, desertion, defeatism, deviators, Red Army.

Брыксин Илья Игоревич

Аспирант,

Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова

Аннотация

В данной статье на примере Ярославской области рассматриваются отрицательные явления, возникавшие во время военно-мобилизационных компаний в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется рассмотрению таких явлений как распространение пораженческих настроений, дезертирство и уклонение от воинской службы.

Ключевые слова:

Мобилизация, дезертирство, пораженчество, уклонисты, Красная Армия.

Великая Отечественная война всколыхнула всю страну, подавляющая часть населения которой была проникнута патриотическими настроениями и готова была воевать за свою Родину. Однако наряду с этим положительным явлением имели место и определенные отрицательные моменты, связанные с негативным отношением части граждан к их участию в Великой Отечественной войне.

Нередким было такое, опасное в условиях военного времени, явление как нарушение дисциплины военно-служащими. Часто причиной нарушения дисциплины и совершения преступлений было нетрезвое состояние мобилизованных, причем подобные инциденты нередко были вызваны серьезными упущениями со стороны местных властей.

Примером этого является массовый разгул, произошедший 27 июля 1941 г. на речном вокзале Ярославля, когда половина мобилизованных из маршевой роты разбили бочку с пивом, напильсь и вступили в конфликт с сотрудниками районной милиции. Эта маршевая рота в составе 450 чел. была сформирована в городе Бежецке Калининской области еще 22 июля и была направлена в Рыбинск. Райвоенкомат Бежецка не обеспечил роту должным количеством хлеба и по прибытии в Рыбинск,

командир роты обратился к местным властям с просьбой о предоставлении продовольствия. И первый секретарь Рыбинского горкома партии, и глава горисполкома ответили отказом, в результате чего бойцы остались голодными. По прибытии роты в Ярославль, ей также не было предоставлено продовольствие и мобилизованные весь день оставались голодными. В итоге почти вся рота вырвалась с барж и бросилась к ларькам, в которых продавались спиртные напитки [8, л. 59].

Не всегда причиной разгула и пьянства было недоедание и плохое моральное состояние солдат, встречались также и случаи отрицательного воздействия на мобилизованных со стороны командиров маршевых подразделений. 22.07.1941 г. в Углич прибыла маршевая рота под командованием В.З. Захарова, который во время следования на барже подразделения до Ярославля, употреблял спиртные напитки и оскорблял командира судна. Потратив на алкоголь средства, полученные от военкомата на содержание роты, он напился до такого состояния, сто распустил все маршевое подразделение, бойцы которого стали пьянствовать по примеру своего командира. На замечания капитана судна, командир роты ответил: "Я голодный, давайте хлеба, а то дам распоряжение всю команду сбросить в воду. Я желал бы, чтобы Гитлер бросил одну бомбу в нас" [8, л. 60]. Командир ро-

ты и несколько солдат были преданы суду за нарушение дисциплины военного времени и антисоветскую пропаганду.

Помимо пьянства, нередкими были случаи мародерства советских солдат и командиров, также часто вызванного проблемами со снабжением продовольствием. В Красновском сельсовете Ярославской области один из командиров батальонов 361-й стрелковой дивизии изъял у местного колхоза запасы продовольствия, при этом грубо оскорблял председателя, наставляя на него револьвер и угрожая расстрелом [8, л. 176].

Во время мобилизационных компаний, органы военного управления столкнулись с такими проблемами, как уклонение от воинской службы и дезертирство из вооруженных сил. Накануне войны приказом НКО СССР от 8.07.1940г. [2, с. 155] регламентировались особенности уголовной ответственности за данные виды преступлений. Самовольное оставление своего подразделения на время менее двух часов рассматривалось товарищеским судом, повторное совершение подобного действия уже разбиралось военным судом и каралось отправкой в дисциплинарные воинские части на период до 2-х лет, а по законам военного времени – тюремным заключением на срок до 7-ми лет. Дезертирством считалось самовольно оставление военнослужащим рядового и младшего командного состава своего формирования на время более 24-х часов. Наказанием за дезертирство было тюремное заключение сроком до 10 лет, а во время войны, уличенные в этом преступлении, приговаривались к высшей мере наказания – расстрелу.

Советское руководство с самого начала и до конца войны проводило жесткую политику в отношении уклонистов и дезертиров. Приказом Ставки № 270 от 16.08.1941г. лица командного и военно-политического состава РККА сдававшиеся в плен неприятелю или ушедшие в тыл, объявлялись дезертирами [3, с. 59]. Они подлежали расстрелу, а члены их семей арестовывались. Дезертирство было следствием поражений Красной Армии. В период отступления множество солдат отставали от своих воинских частей и из-за опасности быть обвиненными в дезертирстве, вынуждены были скрываться на территории, захваченной врагом.

Во многих районах Ярославской области встречались случаи уклонения граждан от призыва в действующую армию. В Рыбинском районе один из рабочих фарфорового завода, узнав о мобилизации, стал выступать с антисоветскими высказываниями, а колхозник из того же района отбил себе пальцы рук с целью уклонения от службы [10, л. 18]. В Борисоглебском районе один из мобилизуемых исчез прямо с пункта призыва. В Любимском р-не выявлен случай подделки военного билета, а в Некрасовском р-не один из призывников подделал заключение медицинской комиссии, добавив к слову "годен"

отрицательную частицу "не" [10, л. 19].

Иногда члены семей мобилизуемых выступали против отправки своих родственников на фронт. Жительница Заволжского р-на Березина заявляла: "Коммунисты начали войну, пусть они и воюют" [11, л. 54]. Тем не менее, ее беспартийный муж резко осудил такие высказывания, и сразу же обратился в военный комиссариат с прошением зачислить его в ряды армии.

Росту количества уклонистов и дезертиров в начале войны способствовало усиление панических настроений, вызванных распространением слухов пораженческого характера. В третий день войны, дворник Бычкова распространяла информацию о бомбардировке Рыбинска, сотрудница отдела снабжения фабрики "Североход" Твердышева, пустила слух о разгроме Москвы вражеской авиацией, а работница хлебозавода Смыслова рассказывала о захвате врагом Ленинграда [10, л.28]. А в одном из ярославских колхозов бывшая осужденная Лукьянова заявляла что "пришел крах, и теперь все будет принадлежать немцам" [10, л. 18].

Помимо уклонения от призыва, некоторые граждане открыто высказывали свои симпатии по отношению к неприятелю, показывали враждебность к советскому режиму. Житель деревни Ведериники Ярославского района Шокин после объявления мобилизации вышел на улицу, перекрестился и сказал: "Слава Богу, немец немножко поубавит коммунистов" [11, л. 66]. На костромской фабрике "Знамя Труда" работница З. А. Напулина заявила что "коммунисты боятся войны с Гитлером и хорошо, что Гитлер объявил войну. Нам все равно, пусть вместо Сталина Гитлер, лишь бы быть сытыми". Другая работница той же фабрики А. Е. Тихомирова сказала что "при старом правительстве было хорошо, всего было много, а сейчас не живешь, а мучаешься. Как стали воевать так просят помощи для Красной Армии. Уж лучше бы, гады, молчали, все равно Гитлер победит". На комбинате Зверыкина дело дошло даже до того, что на стене мужской уборной была нарисована немецкая свастика [11, л. 88].

Антивоенные и пораженческие настроения возникали не по причине трусости советских граждан, а как следствие недовольства населения своим тяжелым материальным положением и надежд на изменение ситуации к лучшему, после победы неприятеля и смены власти. Колхозница Москвина из Нерехтского р-на говорила что "скоро придут немцы, перевешают всех коммунистов и при немцах жизнь пойдет лучше", а И.И. Мосин из Некрасовского р-на заявил, что раз в стране нет хлеба, то "приходится идти к Гитлеру на готовый хлеб" [11, л. 89].

Особенно много случаев отрицательного отношения к мобилизации и ярко выраженной враждебности к членам партии наблюдалось в Брейтовском р-не области. Н. А. Суворов из дер. Захарово утверждал что "Германия побе-

дит СССР, мы уничтожим коммунистов, заберем их дома и землю", мобилизуемый Соколов кричал что "коммунистов за горло вытащит и уничтожит", а колхозница Емелина сказала мобилизованному председателю колхоза: "первая пуля тебе в лоб". Жена красноармейца М. Я. Бурова призывала военнообязанных "обернуть оружие против того, кто сидит в кремле" [12, л. 63]. В районе также проживал немец Карл, попавший в плен в годы первой мировой войны и прославлявший национал-социалистический режим. Все эти граждане, объявленные уклонистами и паникерами, были арестованы и преданы суду.

Также часть населения не хотела воевать, поскольку надеялась на реставрацию старых порядков и восстановление свободы вероисповедания. Наблюдалось усиление религиозных настроений, даже появились слухи, что немцы будут убивать некрещеных. Некоторые граждане заявляли о том, что молились Богу об уничтожении коммунистов, другие вывешивали в своих избах портреты царя Николая Второго. Один из жителей Чухломского р-на заявил: "Слава Богу, немцы придут и церковь откроют". Единоличник Громов из дер. Старово заявлял: "Дождались Христова дня, скоро коммунистов побьют, землю разделят, и будем жить по-старому" [11, л. 90].

Распространение пораженческих настроений возымело отрицательное последствие в виде отказа части граждан сражаться за свою страну. Так мобилизованный из Ярославского р-на Сафиулин заявил: "Надо сдаваться в плен, если меня возьмут, я так и сделаю чем умирать под пулей или здесь с голоду" [11, л. 90]. Заведующий финансовым отделом Арефинского р-на Казанин стал после получения повестки, не явился на призывной пункт и стал добиваться бронирования от призыва, а портниха Виноградова из того же р-на явилась в райком комсомола и сказала: "Выпишите меня из комсомола, и в кружок ПВО ходить не буду, а то на войну пошлют" [11, л. 92]. Счетовод колхоза "Трудовая колонна" А. В. Стрижев заявил следующее: "Германия сильнее нас, нам против нее не выстоять. Если я пойду на фронт, то сдамся в плен" [12, л. 63].

По мере приближения немецких армий к Москве, создалась реальная угроза вторжения противника на территорию Ярославской области, которая превратилась в прифронтовую зону, что привело к увеличению числа дезертиров в регионе. Для борьбы с дезертирством силами военкоматов и органов внутренних дел были организованы команды, осуществляющие в местах скопления людей досмотр граждан, вызывавших подозрение в дезертирстве и уклонению от службы. Обвинения в дезертирстве могли быть предъявлены военнообязанным даже за несвоевременную явку на сборные пункты. В начале войны многие граждане были несправедливо арестованы по ложному обвинению в дезертирстве.

В дезертирстве были уличены даже бойцы, призывав-

шиеся в действующую армию по партийным мобилизациям. Полковой комиссар Лачков, военный комиссар Новоград-Волынского училища, в котором проходило военное обучение коммунистов, сообщал в ярославский обком партии о факте дезертирства 3-х человек из третьей пятисотки. Дезертирами были объявлены два жителя Рыбинска – кандидат в члены ВКП (б) С.Ф. Мамонтов и член ВЛКСМ М.И. Наумов, а также уроженец Костромы комсомолец П.И. Марков [9, л. 1]. В дальнейшем Мамонтов был задержан органами внутренних дел после того как вернулся в Рыбинск из госпиталя, где находился на лечении вследствие полученного ранения. Также он сообщил о гибели своего земляка дезертира Наумова в бою, в котором они оба принимали участие [9, л. 4].

За 1941 г. в Ярославской области подверглись задержанию почти 6 тыс. местных граждан, обвинявшихся в уклонении от призыва или же в дезертирстве, чуть более 50% из них было признано виновными в совершении данных преступлениях [5, с. 176].

Как дезертирство расценивалось и проявление трусости отдельными ответственными работниками местных предприятий и учреждений, под которым понималась поспешная эвакуация из области, в связи с возможным вторжением противника. Так в октябре 1941 г. областной прокурор Шляев, директор завода "Победа рабочих" Терехин и директор кордной фабрики Зарайский организовали вывоз своих родственников с территории области, хотя эвакуация не была разрешена. Один из членов партийной организации плановой комиссии облисполкома Бондаренко сам уехал из области, не получив разрешение на отъезд и на снятие с партийного учета. Информация об этом стала известна населению и способствовала росту панических настроений. Все эти должностные лица были обвинены в паникерстве и дезертирстве, и, как скомпрометировавшие себя, сняты со своих постов [7, л. 5].

Для уменьшения количества случаев уклонения от призыва и дезертирства, политотделы военных комиссариатов контролировали работу по проведению нравственно-патриотического воспитания военнообязанных, проводили агитационно-массовую работу совместно с гражданскими органами управления.

Причиной дезертирства была и неудовлетворительная работа отдельных органов военного управления по снаряжения маршевых команд.

Осенью 1941 г. Борисоглебским районным военкоматом была сформирована команда мобилизованных, во главе с совершенно неграмотным военнообязанным, который не вел никакой политико-воспитательной работы с бойцами, а еще и украл средства, выделенные ему на содержание команды. К тому же мобилизованные не были обеспечены продуктами питания, в результате среди

бойцов началось брожение и 30 % состава маршевой команды дезертировало [8, л. 179].

В 1942г. были приняты новые меры по усилению борьбы с дезертирством. Приказом наркома обороны от 24.01.1942г. местным органам военного управления дозволялось устраивать проверку документов у всех подозрительных лиц [3, с. 213]. Организовывались досмотры всех граждан в людных местах населенных пунктах и ставились посты на основные пути сообщения. К уменьшению количества дезертиров привел и знаменитый приказ НКО СССР №227 от 28.07.1942г., которым были созданы отдельные штрафные подразделения, комплектовавшиеся нарушителями дисциплины, и заградительные отряды, создававшиеся для пресечения случаев дезертирства [3, с. 278].

За первое полугодие 1942г. тщательной проверке подверглись граждане всех местностей Ярославской области, включая лесные районы. Однако эта мера не дала ожидаемого эффекта, поскольку часть местного населения, состоявшего в родственных отношениях с дезертирами, оказывала им помощь в создании скрытых жилищ в лесистой местности и укрытии от карательных органов. Также не столь высокие показатели борьбы с дезертирами и уклонистами были вызваны частой сменой кадров силовых органов, а также недостаточной численностью их личного состава. В течение первой половины 1942г. была осуществлена тотальная проверка документов, которая охватила более 1млн. жителей Ярославской области. За это время в регионе было выявлено 2 тыс. уклонистов от службы и дезертиров. [6, с. 129]. Уменьшение показателей дезертирства по сравнению с предыдущим полугодием объясняется совершенствованием деятельности местных силовых органов и поимкой значительного числа дезертиров еще в предшествующий период. К тому же дезертиры, долго находясь на нелегальном положении и не располагая средствами к существованию, со време-

нем вынуждены были объединяться в организованные группы и совершать другие виды уголовных преступлений. Это привело к потере дезертирами поддержки, ранее укрывавшего их, местного населения.

С 1943г. наблюдалось резкое снижение уровня дезертирства и уклонения от службы, вызванное успешными военными действиями Красной Армии и коренному перелому в войне в пользу СССР, способствовавшего повышению общего морального состояния войск. По мере отдаления линии фронта от границ Ярославской области, у населения пропадали пораженческие идеи, количество дезертиров в регионе неукоснительно уменьшалось. Тем не менее, такое явление как дезертирство, продолжало существовать до конца войны. Только с окончанием военных действий на советско-германском фронте, указом ПВС СССР от 7.07.1945г. в честь победы в войне, дезертирам была объявлена амнистия [4, с. 53]. По сравнению с Первой Мировой и Гражданской войнами, в которых количество дезертиров исчислялось миллионами, в годы войны дезертирство не приобрело столь большого размаха. Всего в период Великой Отечественной войны за дезертирство подверглось аресту около 400 тыс. человек [1, с. 34].

В годы Великой Отечественной войны наряду с всеобщим патриотическим подъемом имели место быть и антивоенные, пораженческие настроения среди части населения, которая по тем или иным причинам отрицательно относилась к существовавшему режиму и не хотела за него сражаться, что выражалось в уклонении от воинской службы и дезертирства из Красной Армии. Но данные явления не получили широкого распространения ввиду работы военных и правоохранительных органов по их устранению, и не оказали серьезного влияния на общую боеспособность советских войск, поскольку охватывали небольшой процент военнослужащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
2. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. – М.: ТЕРРА, 1994. 366 с.
3. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2-2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. – М.: ТЕРРА, 1997. 410 с.
4. Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть 2. Под ред. И.Т. Голякова. Издательство: М.: Юридическое изд-во М-ва юстиции СССР. 1948. 215 с.
5. Стяжкин С.В. Тайная война на Волге (1941–1945гг.). Ярославль, Изд-во ЯГПУ, 2002. 250с.
6. Тумаков Д. В. "Внутренний фронт": криминальные отклонения в СССР в эпоху Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Ярославской области). ЯГМА – Ярославль: Аверс Плюс, 2012. 203 с.
7. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНЯО). Ф. 272. Оп. 224. Д. 91.
8. ЦДНЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 194.
9. ЦДНЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 267.
10. ЦДНЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 308.
11. ЦДНЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 309.
12. ЦДНЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 315.